

УДК 13+37,0

ВЕКТОРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН КАК ПОИСКИ СОЦИАЛЬНОГО ИДЕАЛА

Ким С. М.

**Научный руководитель – доцент Яценко М. П.
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск**

Философский анализ общества имеет своей целью на основе исследования конкретно-исторических обществ или их состояний построение идеальной модели общества с использованием целой системы философских категорий. К ним относятся категории деятельности, материального производства, общественных отношений, базиса и надстройки, общественно-экономической формации и т.д. Здесь же важно подчеркнуть, что теоретическая модель общества позволяет решить ряд задач. Она дает возможность выявить социальную необходимость, отвлекаясь от случайностей, представить изучаемый объект в предельно развитой форме, выявить законы его движения.

Сложившаяся в ареале западной цивилизации современная версия глобализма ведет свое начало с 60-х гг. XX в. Особенно бурно развиваться она начала после распада СССР и социалистической системы. Идеологи глобализма представляют его как совершенно новое течение не только по содержанию, но и по времени возникновения. С такой трактовкой трудно согласиться.

Характерная черта глобализма – его своеобразная революционность. Она проявляется в том, что глобализм, подобно коммунизму, пронизан пафосом мировой революции в общественном бытии и общественном сознании. Глобализм как идеология критикует многое из прошлого и обещает лучшее будущее, он берет на себя миссию открывателя и создателя новой эпохи в истории человечества. Современная философская теория общества направлена на изучение общества, как отличного от каждого из составляющих его субъектов, целостного (интегративного) и самодостаточного образования, как конкретно-исторический способа взаимодействия и взаимоотношений людей. Общество рассматривается как система, которая в условиях изменяющейся внешней среды обладает способностью к устойчивому самовоспроизводству своей целостности на основе различных форм деятельности людей, обеспечивающих их упорядоченное целенаправленное взаимодействие. При этом обычно подчеркивается, что общество, будучи целостной самоорганизующейся системой, содержит для этого все структурные и функциональные основания.

Введение пространственных социальных отношений приводит к обособлению социального от природного, являясь одновременно способом его самозамыкания, так как сами отношения строятся по принципу диалектических противоположностей, взаимно дополняющих друг друга. В целом социальное следует рассматривать как открыто-замкнутое образование, в котором пространственные формы его самоорганизации формируют его самодостаточность, тогда как временные формы самоорганизации социальных отношений создают тенденцию его открытости, так как временные отношения построены как диалектические противоположности, взаимно включающие друг друга (либо прогресс, либо регресс).

С другой стороны, либеральная установка на самоценную значимость каждого человека не менее разрушительна для культуры, чем его отрицание. Номинализм, социальной целью которого становится общество как Природа, не верит ни во что, кроме эмпирически проверяемого. Единственная достоверность, не вызывающая у него сомнения, – это «моё» конкретное «Я», абсолют, пришедший на смену Богу и сделавшийся самоцелью. Но, не имея никакой подлинной достоверности вне себя, всякий субъект вправе исходить исключительно из своей личной достоверности. Таким обра-

зом, «внутренний закон» внутри нас – это лишь наше субъективное предрасположение. Каждый пребывающий вне субъекта вполне произвольно, в зависимости от обстоятельств, может трактоваться им либо как «цель», либо как «средство». Не случайно, развивая принципы номиналиста Канта, другой номиналист Шопенгауэр еще в XIX в. приходит к прямому отрицанию какого-либо «безусловного долженствования» и обязательности этических норм для оценивания человеческого поведения как нравственного. Соединение этого вывода с другой шопенгауэровской установкой об искусстве как способе преодоления рациональности вполне обоснованно подводило к выводу о возможности и даже правомерности искусства безнравственного.

Всеобщее усреднение, примитивизация вкусовых и моральных критериев радикально изменили и самого субъекта культуры. Человек-творец давно уступил место технологу, обслуживающему запросы обывателей. Его прежняя цельность рассыпалась на осколочную способность удовлетворения стремительно меняющейся конъюнктуры. Его жизненные интересы стали повседневно практичными, а суть проявляется в высокой жизненной адаптированности, в восприимчивости к новизне, многообразию и коммуникабельности. «Хлеба и зрелищ!» - этот озвученный на современный лад лозунг толпы стал главным критерием культурной активности.

Эти тенденции, наиболее отчетливо проявившиеся после Второй мировой войны, осознавались и ранее. Именно абсолютизация субъекта (самополагающего «Я») превратила учение Фихте из «философии свободы» в теорию государства, предназначенного не для реализации личностной свободы, а для её подавления. Несоответствие заявленных целей и фактических результатов французской революции, вкуче с противоречиями фихтевской теории, подвигли Ф. Шеллинга к выводу, что благонамеренность и чистота помыслов не могут служить достаточным оправданием следствий, которые они влекут за собой.

Таким образом, многополярное мироустройство является объективным требованием эпохи глобализации, которое не стоит отождествлять с примитивным антиамериканизмом и тем более с возвратом к конфронтации противостоящих коалиций. Суть концепции многополярности состоит именно в необходимости отвечать на глобальные вызовы объединенными усилиями различных центров (полюсов) мирового сообщества. Это призыв не к соперничеству, а к солидарности. При этом концепция многополярного мира, которая ранее воспринималась довольно безразлично, теперь стала объектом ожесточенных нападок. Споры о многополярности вышли за рамки академических дискуссий, в них активно включились официальные лица. Так, советник президента США по национальной безопасности Кондолиза Райс, выступая в июне 2003 года в Лондоне, назвала многополярность «вынужденным злом», преподнося ее как отжившую свой век «теорию соперничества» между государствами с различными системами ценностей.

Важнейшим из происходящих в последнее время изменений стало возникновение конкуренции между человеческими цивилизациями, то есть культурно-историческими общностями, объединенными не только тесными экономическими связями, но и более глубокими факторами, связанными с близостью культур, схожими системами ценностей и мотиваций, мировоззрением, образом жизни и образом действий.

Разноплановый анализ, предложенный в статье, скрепляет центральная идея работы, суть которой заключается в следующем. Формирующийся глобальный мир будет новым, более отвечающим интересам разных цивилизаций, если он будет считаться с многообразием культур и народов, будет основан на реальном диалоге культур Запада и Востока, сможет найти ключ к решению глобальных проблем современности. Без решения проблемы столкновения человека и природы трудно в конечном счёте избежать

столкновения различных цивилизаций. Диалог же культур предполагает умение и желание «слушать» и «слышать» другого, других. Для глобализирующегося мира ценности Востока не менее значимы, чем ценности Запада, так как важна ответственность перед будущим.

Раскрывая поставленные вопросы, автор показывает, что, с одной стороны, глобализация порождает множество социокультурных рисков, обусловленных распространением новых информационно-коммуникативных систем и технологий: «запаздывание» культурного развития, приводящее к информационно-коммуникативному неравенству, превышение объема и роли информационных потоков, утрата базовых характеристик этнических культур и, соответственно, трансформация моделей этнокультурной идентичности; негативная самоорганизация и упущенные возможности в отсутствии культурной политики и др. С другой стороны, в настоящее время глобализирующийся мир сохраняет пеструю этнокультурную картину и включенность стран в систему сложных взаимоотношений, рост взаимозависимости народов и культур в мире не ослабляет процессов регионализации, локализации как направленных на сохранение культурной и социальной суверенности. Отсюда автор делает вывод, что основная стратегическая задача культурной политики в условиях глобализации – это создание условия для адаптации этнокультурных групп и сообществ к изменению внешних условий, причем такой адаптации, которая позволяет избежать перехода глобальных рисков из потенциальных в разряд реальных.

В современном западном обществе возникают социально-психологические и национально-культурные противоречия, легко трансформирующиеся в противоречия политические: «начинается наступление на «светский фундаментализм», меняется понятие культурной интеграции, налицо кризис теории и практики мультикультурного общества. Теперь терпимость признается только в жестких правовых рамках. Перечисленные признаки дают автору основание говорить о начинающейся эпохе «нулевой терпимости» и принудительной культурной интеграции. Сложившаяся ситуация означает серьезный культурно-идеологический кризис западного мира, что ставит новые сложные задачи перед внешней политикой России.

Однако Россия, в силу своего месторасположения, многоэтничности и многоконфессиональности, часто переживала драматические изменения и приспособилась к существованию противоречий идентичности. Тем не менее, налицо глубокий кризис российской идентичности.

Отнесение России к Западу или Востоку одинаково несправедливо по причине ущербности такого разделения планеты. Россия – это этнокультурная индивидуальность, не равнозначная индивидуальности Китая или Индии. Россия действительно занимает исторически особое место, но оно среди европейских народов, поскольку страна прошла в своем развитии все те же этапы, что и большинство народов Европы. Россия – это восточная часть той цивилизации, которую автор определяет искусственным понятием «западная цивилизация». Россия – это часть европейской цивилизации.

При этом за интенсивно обсуждаемыми проблемами глобализации стоят не только геополитические и геостратегические интересы ведущих мировых держав, хотя именно эта проблематика выходит сегодня на первый план, но и проблема будущего современной цивилизации, поиска моделей исторического развития, которые могут помочь человечеству справиться с глобальными проблемами, сфера которых интенсивно расширяется. Практика постформационной истории, когда обсуждение основных проблем мировой истории происходит не на языке «капитализм – социализм», а на языке межцивилизационных столкновений. Расширяется не только сфера глобальных проблем, их число, но резко обостряется противостояние «золотого миллиарда» и остальной части мира, глобальный характер приобретает проблема терроризма, интенс-

фиксируется динамизм цивилизационных процессов, что ведет к углублению экологического кризиса. Тем самым новый этап глобализации расширил и углубил поле глобальных проблем.